

ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ И ШЕСТЬ

В среду вечером у Димки поднялась температура.

«Бедный мой мальчик!» - сказала мама.

«Как же так, внучек!» - заохала бабушка.

«Ну ты давай... лечись, что ли...» - скупно пожалел папа.

В четверг утром на градуснике было 38,5. Димке казалось, что он в тропиках под палящим солнцем забрасывает уголь в котел паровоза.

«Слушай, – тихо сказал папа, заглянув к нему в комнату, – ты не против, если я на тебе яичницу пожарю к завтраку? А то на кухне бабушка плиту заняла, кашу варит, а я эту кашу уже видеть не могу».

И, не дожидаясь ответа, бухнул Димке на лоб сковородку.

Через пару минут яичница у Димки на голове начала аппетитно скворчать. Еще через пять она была полностью готова. Глазунья. С помидорами.

Димка чувствовал себя проснувшимся вулканом.

Потом в комнату заглянула мама.

«Солнышко, – спросила она, – ты не против, если я на тебе блинчиков пожарю? А то на кухне бабушка собаке мясо варит, не подступиться».

И, не дожидаясь ответа, бухнула сковородку Димке на лоб.

Через две минуты у Димки на лбу пеклись замечательные блинчики. Дрожжевые. Мамины фирменные.

Димка чувствовал себя поверхностью Солнца.

Часа в четыре к Димке заглянула сестра Катька.

«Слушай, – сказала она, – можно, я на тебе печенье испеку? А то бабушка на кухне жаркое затеяла, это надолго». И, не дожидаясь ответа, начала облепливать Димку печеньями.

Шоколадными. На этот раз без сковородки.

Димка чувствовал себя раскаленной духовкой.

Вечером с работы вернулся папа.

«Ну как ты тут? – справился он о здоровье сына, положил руку ему на лоб, чтобы убедиться, что температура все еще там, и спросил: «Слушай, а можно я на тебе пельмешков сварю? А то я бабушкино жаркое как-то не очень...»

И бухнул сыну на лоб ковшик. Через десять минут вода в ковшике забурлила, и папа начал закидывать пельмени.

Димка чувствовал себя исландским гейзером.

В девять вечера в комнату вошла бабушка. Она с трудом удерживала в руках огромную пятилитровую кастрюлю.

«Внучек, – прохрипела бабуля, – можно, я на тебе борщечок на завтра приготовлю? Чтобы газ лишний раз не трать?» И, кряхтя, попыталась водрузить кастрюлю Димке на лоб.

Глянул Димка на эту кастрюлю, и... тут же выздоровел. Тридцать шесть и шесть, и ни градусом больше!